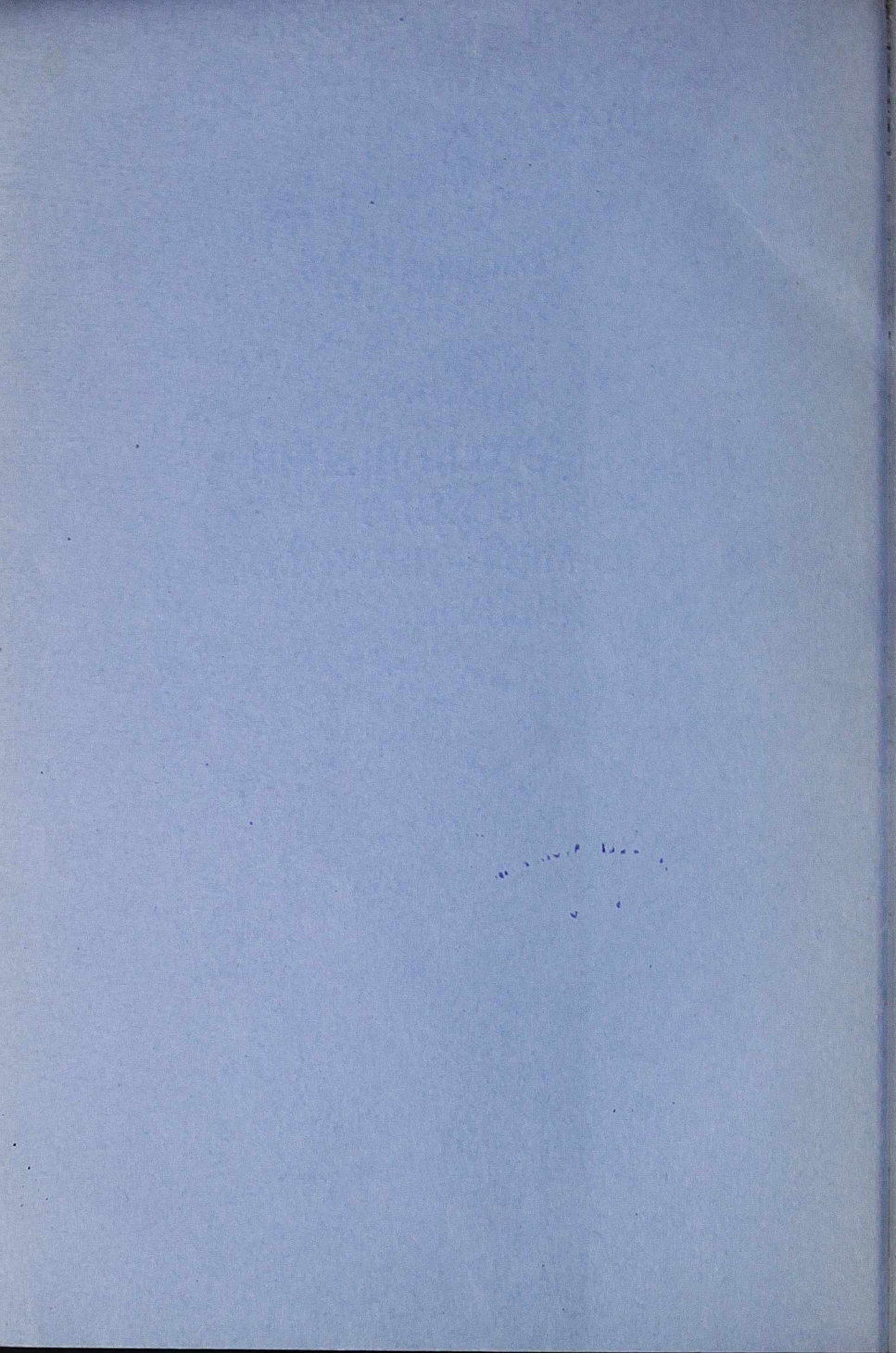

9033
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА

Гр. КАПАНЦЯН

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ
АРМЯНСКОГО
И ЛАЗО-МЕГРЕЛЬСКОГО
ЯЗЫКОВ

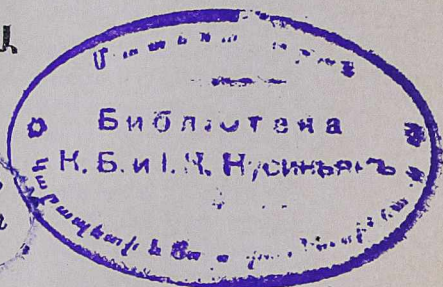
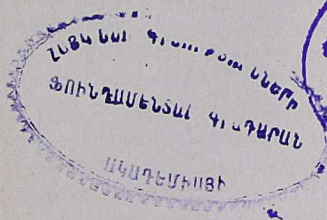
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР
1952

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА

Гр. КАПАНЦЯН

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ
АРМЯНСКОГО
И ЛАЗО-МЕГРЕЛЬСКОГО
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР
1952

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета Академии наук
Армянской ССР

Связь армянского языка вообще с грузинским и, в частности, с его западными диалектами установилась очень давно, возможно еще за полторы тысячи лет до нашей эры, когда на географических широтах от Себастии до Эрзерума, судя по хеттским клинописным данным, хайские племена составили одно сильное политическое объединение Хайаса-Аззи¹. Грузинский этнический массив, судя по сравнительно поздно известной его дислокации, занимал среднее и верхнее течения Чороха, как и места севернее Париадрских гор у Черного моря. Не говоря уже о наличии грузинских племен далеко на восток по течению Куры и пр., мне представляется очень возможным проникновение этих племен и в „царство“ Хайаса-Аззи. Видимо, от этих западных грузин, позже представленных в лазах или чанах (арм. и груз. *ṣan-*, греч. *Tsan-oi*,

¹ А. Гётце располагает это объединение по верхнему Евфрату, по долине Эрзинган—Эрзерум: „Ein grösseres politisches Gebilde, wie es Azzi-Hajaša zweifellos ist in dem angegebenen Sector der hethitischen Ortsgrenze nur denkbar, wenn es die Euphrat-Strasse Erzingan—Erzerum einschliesst“ (см. его статью в журнале „Revue hittite et asianique“ под заглавием „Bemerkungen zu dem heth. Text“, стр. 24—25). Французский же ученый Ф. Кавеняк в своей статье в том же журнале RHA за 1934 год, фаск. 7, под заглавием „Le premier royaume d'Arménie“, пишет: „Le Hajasas a été au XIV-e siècle une grande monarchie, couvrant toute l'Arménie occidentale“ (стр. 14) Подробнее об этом государстве армян, занимавшем районы поздней Малой и Высокой Армении, см. в моей работе „Хайаса—колыбель армян“ (Ереван, 1948).

арм. *saṇ-ag-kh*) и мегрелах, осталось предание о родоначальнике Азо, т. е. персонифицированном имени племен Аззи хеттского времени, как армяне таким же образом персонифицировали имя хайасских племен в лице Хайка,—явление, самое обыкновенное в древности, судя по письменным (литературным) источникам того времени, особенно по библии. Этому соседству, и отчасти смешанному расположению хаев и „зан“-ов (=лазов и мегрелов) мы обязаны проникновению в армянский язык исконных „занских“ слов, хотя не отрицается и общее происхождение некоторого их количества. На бытование в армянском языке (в древнеармянском и диалектах) многих этих лазо-мегрельских слов впервые обратил внимание Н. Марр, хотя он в свое время и не был в состоянии объяснить причину их проникновения и распространения; это я ставлю в географическую и культурную связь, исходя из наличия еще за 15 веков до н. э. „царства“ Хайаса-Аззи.

Греческие и римские источники сообщают о разных народах и племенах в этом юго-восточном Причерномории, из которых главные—колхи (о них говорит и одна надпись урартского царя Сардура середины VIII в.), хои, вихиры, тибарены, мосхи, халибы, халдаи, санны, иверы и др. Интересно для нас наименование агмено-chalybes (у Плиния), что буквально значит „халибы, живущие у армян“, а не смешанное какое-то племя или народ. Подобное имеем и в наименовании *suanno-kolchoi* „сванские колхи“, арм. *eḡer-suaṇ-kh* „егрские (мегрельские) сваны“.

К северо-западу от „царства“ Хайаса хеттские источники упоминают и культурные племена палайцев (*palā*) с их особым языком, который, к счастью, стал нам отчасти известным, благодаря работам Г. ван

Оттена и Боссерта. Эти племена, славившиеся своей торговлей, вместе с хайасцами эмигрировали главным образом в Урарту, образовав ядро армянского народа. Главной причиной этой миграции было, несомненно, киммерийское давление. К этому же концу VIII и началу VII века часть грузинских племен двинулась к среднему течению Куры, как полагает по топонимическим данным А. Болтунова. Араратская долина с Армавиром и Арташатом стала первым доменом для новообразовавшегося армянского народа, а среднее течение Куры с городом Мцхета—для грузинского народа. Судьба этих двух народов поразительно сходна в их этапах исторической жизни. Даже есть данные у классических писателей, что ахаи, если в них видеть абхазскую форму хаев, т. е. жителей Хайасы, частично переселились по побережью Черного моря, будучи между Батуми и Сухуми, а от названия племен пала остались в Грузии топонимические имена Палакацио, не говоря о двух „паладиалектах“ в сванском языке. Эти основные этнографические единицы армян—племена хаи и пала—частью двинулись и на север, в Грузию.

Но армяно-грузинские взаимоотношения в языковом и этнокультурном деле сложились не только в период их племенного состояния в бассейне Чороха и верхнего Евфрата, но и позже, когда они образовали на новых местах уже самостоятельные объединенные народы и государства. И если в этот новый период самостоятельного существования языковые влияния скорее должны носить характер заимствования, то раньше, в период племенного и смешанного местоположения в районах Чороха и пр., общие слова и формы большей частью могут быть обоюдного ха-

рактера или взятые из одного общего источника. Даже армянские княжеские фамилии Багратидов и Мамиконидов сбытовались на этой общей этнокультурной арене районов Спера и Тайка. Первым из ученых, подчеркнувший этот начальный армяно-грузинский этнокультурный и языковый субстрат в названных районах, был Н. Марр, столь много давший арменоведению и грузиноведению в первый период своей жизни.

Я здесь хочу конкретно остановиться на армяно-занских языковых отношениях, исходя из наличия факта географического, этнического, культурного и языкового соседства этих западных грузин с армянским этническим миром. Следовательно, в первую очередь должна быть точно и исчерпывающе выяснена именно эта область или участок армяно-грузинских языковых отношений, а затем уже должны ставиться и решаться вообще армяно-грузинские языковые вопросы. Хотя многие ученые так или иначе затрагивали эти вопросы, в частности Н. Марр, Р. Ачарян, А. Шанидзе, И. Кипшидзе, А. Мурвалян и др., тем не менее в свете новооткрытых древних языков Малой Азии (хурритский, клинописный и иероглифический хеттские, протохеттский, палайский, лувийский) армяно-грузинские языковые вопросы во многом могут быть заново поставлены и лучше решены, чем до сих пор, не говоря уже о многих элементах армянского языка, независимых от этой проблемы.

Остановимся подробно на армяно-занских языковых отношениях и в первую очередь выясним вопросы фонетики, а затем совместной лексики и отчасти морфологии.

Ф О Н Е Т И К А

Прежде всего нужно подчеркнуть ту фонетическую соответственность, которая, как закономерность, наличествует между двумя ветвями общегрузинского языка—между западной ветвью, т. е. лазо-мегрельской, и восточной ветвью, т. е. картской. Аналогично такому же явлению в других языках, например, в семитических, эти группы грузинского языка можно назвать шипящей (или *š*) и свистящей (или *s*), наподобие русскому чоканию или цоканию.

Приведем это известное всем звукосоответствие:

Восточная группа	Западная группа
s	š
z	ž
dz	dž
c(=ths)	č(=thš)
ç(=ts)	č̣(=tš)
e	a
a	o
l	г
г	г или dž
неполногласие	полногласие

Армянский язык примыкает к шипящей западной группе, если исходить из наличия совместного существования одинакового корнеслова во всем грузинском языковом мире. Конечно, есть армянские соответствия, примыкающие только к картской ветви, что нужно учитывать при исторически иной ситуации.

Армянский язык имеет, подобно общегрузинскому, обилие свистящих (сибилянтных) согласных, ибо субстрат азианических языков, отчасти и семитиче-

ских, оказал на армянский благоприятствующее воздействие. Также присуще этим языкам богатство простых и сложных согласных (аспиратов и аффрикатов). Армянский язык, подобно урартскому и грузинскому, избегал соседства или стечения двух одинаковых согласных (*consonne géminée*) разными способами, большей частью сохраняя только один согласный. Например, имя народа таппа, переселившегося отчасти на территорию западной („Высокой“) Армении, звучит территориально *Mapaḷi* (*Մափաղի*) или *Mapapaḷi* (*Մափափաղի*), подобно еврейскому слову *таппā* „манна“, так же дающему этот вид произношения тапапа с разделением длительного „п“ (пп) на два отдельных „п“ с вставкой меж ними гласного „а“. Но армянский язык резко отличается от грузинской языковой группы тем, что избегает начинать слово с двух и более согласных, за исключением стечения *sp*, *st*, *sk*, *šp*, *št*, *šk*, *šph*, *šth*, *škh* и подобных, а современные диалекты избегают и этого стечения, совсем как в новоперсидском, арабском или тюркских языках. Грузинский же язык, наоборот, любит нагромождать согласные в начале слова, иногда чуть не до пяти.

Из сравнительного изучения общего армяно-грузинского корнеслова мы можем установить то фонетическое положение, что армянский фонетический облик этих древних общих слов и корней отражает состояние звукового облика грузинского языка до пятого века н. э., т. е. до тех времен, когда грузинский язык еще не создал так называемых „децессивных рядов“ (по терминологии Г. Ахвледиани). Это подтверждается и древнейшими грузино-семитическими лексическими связями. Дело в том, что грузины многие согласные, вероятно вследствие особого нажи-

ма языка при их артикуляции, как бы их раздвигают, прибавляя заднеязычный новый придаток (взрывными и фрикативами) и, например, из ς (ʃ) получается новое ςk (ʃj) или ςk (ʃy), из $\check{\varsigma}$ (ʒ) новые $\check{\varsigma} k$ (ʒj) или $\check{\varsigma} k$ (ʒy), из s (ʃ) $> skh$ (ʃj) или skh (ʃb), из $\check{s}$ (ʒ) $> \check{\varsigma} kh$ (ʒj) или $\check{\varsigma} x$ (ʒb), из dz (d) $> dz\gamma$ ($\text{d}\text{ʌ}$), из z (ʒ) $> z\gamma$ ($\text{ʒ}\text{ʌ}$) или zg (ʒg) и т. д. Н. Марр приводил следующие примеры соответствий: груз. $z\gamma aragi$ „сказка“ при арабс. $dzabar$ „слово, речь, изречение“; лазское $zesqu$ ($< *zesu$) „дрозд, орел, черная птичка“ (= груз. $\check{s}aw\check{s}ia$, $\check{s}o\check{s}ia$) при древнееврейском sus „ласточка“; груз. $z\gamma vari$ „граница“ при древнееврейском $\check{s}far$ (id.); груз. $\check{s}xami$ ($< *\check{s}ami$) „яд“ при арабском sam , сирийск. $semā$ „лекарство“; груз. $dz\gamma veni$ ($< *dzveni$) „дар, подарок“ при арм. $dzawn$ (id.); груз. $skhviri$ (из $*cviri$) „нос, морда“ при эламском $siri$ и арм. $səṭ-uḳ$ (корень $ciṛ-$) с тем же значением (из его лекций, см. также ЗВО, XXII, 85). К этим примерам я бы прибавил и следующие: груз. $z\gamma ua$ (из $*zua$) „море“ при урарт. $\check{s}ue$ (= $tsue$) „море, озеро“, арм. $\check{s}ov$ „море“; груз. $\check{s}avla$ ($< *savla$) „учить“ при арм. $sovor-el$ (id.) с диалектическим $savr-el > sarv-el$ (id.). Как видим, арм. $sovor$ при груз. $\check{s}avla$ - $*savla$ имеет западно-грузинский вид, т. е. полногласную форму и с перерождением „l“ в „r“.

Армянский язык с диалектами примыкает к западной ветви грузинского языка также и тем, что, помимо своего фонетического облика, общего с этой западной или „ $\check{s}$ “ группой, он имеет еще полногласие, как армянское $sovor-el$ „учиться“ при картском $\check{s}avla$, т. е. додецессивная $*\check{s}avla$ - регулярно на западно-грузинской почве должна была дать и полногласную форму и перерождение l в r, как закономерность, т. е. $sovor$ -, а может быть и $*\check{s}ovor$ -. Это полногласие,

как ассимилятивное явление, свойственно и другим языкам: например, из старого грод (град) образуется новое полногласное город, из хлод (|| хлад)—холод, из влос (|| влас)—волос, из врот—(|| врат)—ворот и пр. и пр., в которых первичны хлад (ср. нем. Kalt), град (ср. нем. Gart-en), влас (ср. перс. vars, арм. заим. vars „волос“) и пр. Ср. новоармянские voskoř „кость“ из древнего oskr, новое kolog из klor „круглый“ и т. п. (см. об этом ниже).

Из грузиноведов А. Чикобава склонен считать полногласие в грузинском языке первичным, а не вторичным явлением, как трактовали до сих пор: „полногласие основ являлось исходным состоянием картвельских языков“ (см. его статью „О лингвистических чертах картвельских языков“, напечатанную в „Известиях“ АН СССР, том VII, вып. 1, отд. лит. и языка, 1948, стр. 28). Во всяком случае в древнем литературном языке (картском) мы не находим этого полногласия, а армянские древние заимствования обнаруживают полногласную форму и звуковые перерождения, присущие сейчас лазо-мегрельским языкам. Констатируется, например, при грузинском (картском) kreba „собирать“—мегр. korophua, при карт. khmarі „муж“—мегр. khomodži, при картском dzaŷli „собака“—мегр. dzoŷori¹ и т. д.

В армянском языке кроме уже упомянутого sovor-el „учиться“ имеют западногрузинский вид также слова gogov „любовь“, „сострадание“, хогоv-el „сжарить“, šoľokh-orth-el „лгнуть, подлизываться“, šoľom-el (id.), хогоm „маленький сноп травы“ и пр. Например,

¹ В арар. арм. диалекте есть слово zaŷag вместе с šun „собака“ (zaŷag šun). Это—маленькая собака, живот которой близок к земле, вследствие коротких ног.

слово *gorov* я бы сравнил с картским *kvaq*- „любить, любовь“, что в полногласии дало бы *kovog*-, метатезой *koov-*, что стало арм. *gorov*. Затем арм. *xogov*- явно связано с груз. *xurva* „жарить“, как полногласная форма, а не индоевропейского происхождения с корнем *xog-* и суф. *-ov*, что с глаголом *xar-el* „жечь“ связывается с индоевр. *qog-* || *qer-*, откуда гр. *kéramos* „гончарная глина, керамика, сосуд“, лат. *stēmō* „сжигаю“, древ.-верх. нем. *herd*, англ. *heart* „очаг“, слав. курить и пр. (см. Ачарян, „Корневой словарь“, III, 397—8, 628—9). Наконѣц, арм. *šołokh*-(*orth-*) Н. Марр правильно сличал с карт. *slekha* „гладить, смягчать“ (ена *moslekhili* „мягкоязычный, льнуший“, см. Н. Марр, „Осн. таблицы к грам. др.-груз. языка“, СПб, 1908, стр. 6, прим. 8). Такие возможности, конечно, должны быть учтены и в дальнейшем.

Лазо-мегрельская группа имеет одну фонетическую особенность, которой нет в картском, но она имеется и в армянском. Нам известно, что картскому *l* в родственных словах эта западная грузинская ветвь противопоставляет „г“, как и обыкновенному картскому „г“, но и этим дело не кончается. Зачастую мы видим, что сонорное „г“ перерождается в аффрикат *dž* (ჯ), каковое явление свойственно и армянскому, особенно современным диалектам. Так, например, картское *sizmagi* „сновидение“ находит себе соответствие в мегр. *ezmodža*, картское *khmagi* „муж“ при мегр. *khomodži*, картскому *suli* „душа“ отвечает лазо-мегр. **šuri*, давшему новое перерождение *šudži* > *šundži* > *šundi*, что перешло и к армянам в форме *šupč* (շոբչ), подобно как при картском *m-çer-i* „муха“ в этой западной группе имеем *čadži* > *čandži* > *čandi*, что также

перешло как заимствование в армянский язык в форме *ṣapč* (ճափճ) „муха“.

Но этот переход $g > d\check{z}$ в армянском имеет и самостоятельное применение. Даже больше того. В армянском есть и переход $\check{t} > d\check{z}$. Примеры имеются при втором компоненте повторов с корнем на эти звуки в конце. Так, например, в современном араратском диалекте есть довольно редкое слово *muṛ* (մւր), которое трудно точно перевести и приблизительно значит „ноющая или внутренняя боль“, переносно „злоба, месть“ (*muṛə hapel* „выявить злобу, отомстить“), отсюда удвоенное *məṛmuṛ* (напр., *məṛmuṛə tvec dḡanis* „боль обдала (охватила) мое тело“), но и *məṛmundḡ* с тем же значением (напр., *votəs məṛməṛəm* а или *votəs məṛməndḡəm* а „нога моя ноет“). Но имеется и омонимное *məṛmundḡ* со значением „шопот, шушукание“, откуда *məṛməndḡ-al* „нашептываться“, как удвоение из **məṛmuṛ*, откуда *məṛməṛ-al* „глухо ворчать“ (о собаке). Древнее слово *tərtundḡ* „ропот“ имеет такую же историю образования и перерождения, а именно было первично слово **tur-* „ропот“, потом удвоенное **tur-tur*, откуда измененное *tərtundḡ*, с чем я связываю мегр. *p-dur* „роптать, быть недовольным“ (начальное „п“—новый развитой звук или из преф. *m-*, как и в корнях *p-dḡapṛ* „тутовое дерево“, *p-tveri* „пыль“, *p-gar* „плач“, *p-ṣare* „горький“ и др.); картское слово *tr-tin-va* „роптать“ хотя и одинакового происхождения, но по огласовке дальше отстоит от мегрельского корня *dur-* и арм. **tur-*. Нет сомнения, что так же нужно анализировать и арм. *ṣ(ṛ)-ṣundḡ* „шопот“ (от корня **ṣur-*).

Перейдем к звукопереходу $\check{t} > d\check{z}$. Примеры: от простого арм. *doḡ-al* „дрожать“ имеется повтор *doḡdoḡ-al*,

но и dołdodž-al, от bar „слово“ имеем barbar-el „говорить“, но и barbadž-el „говорить вздор“, от phajl „блеск“ из начального phal-(id.),—как есть nšojl „луч“ и šoł (id.), ardzojl „сети, невод“ и ardzoł (id.) и т. д.,—мы имеем phalphal-el „блистать“, phołphoł-el (id.), но и pałpadž-el (id.) и т. д.

В армяно-занском фонетическом взаимоотношении наряду с общностями иногда проступают и некоторые отступления, которые невозможно пока объяснить. Например, при мегрельском činu (или čini) „прут“, лазском činu или čupu (id.) имеется арм. džin (id.), вместо ожидаемого *čip; или при мегр. čama „питать, кормить“ имеем арм. džamb-el (*ջամբ-ել*) с тем же значением, где корень džamb- развился из *džamm- < *džam-, как арм. damb „сеть, невод“ при перс. dām, арм. kałamb „капуста“ при современном khalam (id.), арм. paťškamb „балкон“ при перс. piškam (id.) и т. д. Есть даже такие несомненно родственные соотношения как грузин. čpeha „давить“, мегр. o-čipax-e „дави́льня“, „точи́льня“ и арм. čəpš-el „давить“, которые я сопоставляю с аккадским (ассиро-вавилонским) sapāḫ-и „давить“. Грузинские формы čpeh- || čipax- вполне закономерны и близки к семитической sapāḫ-, армянская же форма дальше развилась от мегрельской čipax- и через *čipx- стала čipš-, что и видим в čəpš-el (с закономерной редукцией безударного i в ə). Переход же „х“ в „š“ хотя и редок в армянском, но все же наблюдается (ср. xərtnum || šərtnum „пугаюсь, отбегаю“, phxuḡ (<phuxḡ) || phšḡ „мягкий, крошить“, араб. диал. ləxk-el „размягчиться“ при ləšk-el „оттаиваться“).

ОБЩИЙ КОРНЕСЛОВ

Рассмотрим те общие слова и корни, которые присущи армянскому и лазо-мегрельскому языкам. Сперва изучим те общности в лексике, которые нельзя подвести под категорию заимствований, а затем эти заимствования с армянского на лазо-мегрельский и обратно.

Здесь эту общую штудию я хотел бы предварить рассмогром звукоподражательных общих слов, в которых проступают и некоторые фонетические явления, о которых выше уже было сказано.

Так, например, в мегрельском имеется слово *barbanċi* „шум, шуметь“, которое стоит в связи с лазским *barbal-aph* „говорю вздор“ и армянским *barbandž-em* (id.), при их общей повторной форме *barbal-* или *barbar-* с перерождением последнего „г“ или „л“ в аффрикат „dž“ и с возникновением перед ним нового „п“, что—частое явление. Точно так же—при лазском *xixip-* „ржать“ и мегрельском *xixini* или *xixini* „храпеть, пыхтеть“, что есть и в дагестанских языках (ср., напр., аварское *xixiriza* „ржать“), армянский язык дает перерожденную форму *xəxindž* „ржание“ (*xəxəndž-al* „ржать“) из **xixig*, где последнее „г“ превращается в аффрикат „dž“ с вставлением перед ним „п“. Наконец, в армянском наличествуют две формы *thərthəf-al* „биться“ (о сердце) и диалектное (арар.) *thərthəndž-al* „шевелиться, беспокоиться“ (о ребенке при болезни) из первичного корня **thiř-* „дрожать, биться“, что видим и в лазском повторе *thirthin-* (о-*thirthin-u* „трепетать, дрожать“—в Хопе, см. Н. Марра, „Грам. чанск. языка“, 147). Я уже говорил об аналогичном образовании из корня *tur-* „ропот, роптать“ мегрельского *p-dur-* „роптать“ (откуда *ndurili* „ропчущий, недовольный“),

грузинского *drtinva* (из *dur-tuin-va*) „ропот“ и арм. *tərtundž* „ропот“ из **turtur-* с изменением „г“ последнего компонента повтора на *dž* и вставлением нового „п“, как в вышеназванных всех примерах.

Оставляя сходство звукоподражательного *gor-* „греметь, кричать“ в лазском *b-gor-am* „кричу, ругаюсь“ и арм. *goř-al* (id.), я бы обратил внимание на лазский корень *bʸog-* „мычать“, вышедший из простого *bor-* (где *bʸ*—осложнение из *b*) и арм. *boř-al* или *poř-al* „кричать“, подобно звукоподражательному же характеру лазского *bʸi* „филин“ из **bu*, что видим в армянском *bu* „сова“.

ОБЩИЕ НЕЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

Приведем армянские слова и затем соответственные лазо-мегрельские корреспонденции.

1. *Aka ndž* (აჿნჿჳ) „ухо“ соответствует лазо-мегрельскому *kudži* „ухо“, причем для армянского слова исходной формой нужно считать *a-kvar* с протетической „а“, что в армянском очень частое явление в отношении соседних и родственных языков. Лазо-мегрельское *kudži* развилось из *kuri*, что и предстоит в грузинском, как имеем лазо-мегрельские *pidži* „рот, лицо“ при груз. *piri* (id.), *džidži* или *džindži* „корень“ при груз. *dziri* (id.), *phudži* „корова“ при груз. *phuri* (id.) и т. д., то есть обыкновенный звукопереход „г“ в аффрикат „dž“, для чего мною приведено много примеров из лазо-мегрельского и армянского в отношении картского. Праформа **a-kvar* стала **a-kvadž > akandž* с выпадом срединного *v*, как имеем в лазском (в гор. Хопе) *kvali* „сыр“ и *kali* (в Атине) „сыр“. Армянское заимствованное из той же лазо-мегрельской языковой группы *ořxar* „овца“ несомненно имело раньше форму

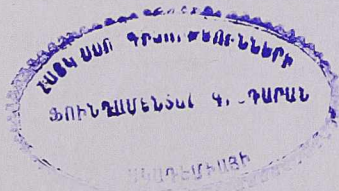
*oṣxvaṛ в соответствии с груз. sxovaṛ-i „живой, животное“ с протетическим „о“, ибо армяне с двух согласных слова не могли начать. Таким образом, и здесь akvaṛ стало akvadž > akadž > akandž, с новым вставным „п“ перед „dž“, что, как видели, — обыкновенное явление. Общегрузинская же форма kūrī „ухо“ должна была иметь более старую форму kuar (kvar), как имеем у лазов kūrī „ворона“ и kvaṛī (id.). Мне думается, что праформа kvar „ухо“, при стянутой форме kūr у грузин, была у хайасцев и стала akvaṛ > akandž. Напрасно А. Мейе это армянское akandž считал индоевропейским словом и формой двойственного числа от арм. unkn „ухо“. Принимая это мнение, проф. Ачарян вынужден был тем не менее сказать: „формально очень искажено это akandž-kh и этимологически трудно объяснимо“ (см. его „Корневой словарь“, I, стр. 79). В армянских диалектах есть даже форма akundž (у карабахцев angudž > andžug, у зокцев, джультинцев angudž и т. д.), что может свидетельствовать о древней форме aku(n)dž из *akur || *akvar.

2. Barti (բարտի) „тополь, populus pyramidalis“, которое по Ачаряну перешло к мегрелам в форме bardī „куст, терновый куст, чаща“ (по переводу И. Кипшидзе, „Грам. мингр. яз.“, стр. 201), грузинам в форме bardī „чилига“ (по словарю Чуб., 1837, 97) и абхазам abard „чилига, куст“ (см. у Ачаряна „Корневой словарь“, I, 1033). Но, как видим, значение довольно разное — с одной стороны „тополь“, а с другой „чилига, куст“. Армянские все диалекты (Алашкерт, Муш, Харберд, Ван, Ереван, Зейтун, Мокс и др.) под bardī понимают также „тополь“; в Адане это слово означало „тың, изгородь для садов“, в Евдокии „строительный материал“, который вообще готовится из тополя (см. у

Ачаряна, там же). По-моему, тут не нужно ставить вопроса о заимствовании, главным образом из-за разного содержания. Одного корня с ним и имя города Bartav или Partav с суф.-av, что имеется и в груз. Telavi, Curtavi., арм. Dzirav, Ordnav, Sukav и пр. (см. мою работу „Ист.-линг. значение топонимики древней Армении“, Ереван, 1940, стр. 110).

465 3. Вах-ел (*բախ-ել*) „бить, ударить“, что по Ачаряну передалось лазо-мегрелам в том же звучании вах-и с тем же значением. Это, по-моему, недоказуемо. В арм. языке вах- развивается в новую форму ба^хх-ел и удвоенное бабах-ел для усилительного значения. Вероятно, этот корень был присущ племенам района Чорох—Понт, т. е. палайским, хайасским и грузинским („занским“) племенам и носит звукоподражательный характер.

4. Гер (*գեր*)—редкое слово, обнаруженное Норайром Бузандаци в выражении ger gorç-el, и значит „плач“ (встречается в „Толковании послания Павла“ Ионна Златоуста, Венеция, 1862, т. I, стр. 206, 492, 751, 832). Почтенный арменист сравнивал это арм. ger с перс. γīrī „плач с громким криком“ (см. у Ачаряна, „Корневой словарь“, II, 139—141). По Ачаряну можно поставить вопрос о заимствовании армянами этого персидского слова, ибо имеется звукосоответствие перс. γ=арм. g (перс. γund=арм. gund), но огласовка их мешает этому (ibid., 141). По-моему, мы должны для этимологии арм. ger „плач“ первым делом иметь в виду мегр. gara, n-gara „плач, вопль“ (см. у И. Кипш., 214), лазское m-gar- (o-mgaru, o-mgar-in-u) или bgar- (o-bgar-u, o-bgar-in-u) с тем же значением „плакать“ (см. у Марра, „Грам. чанск. яз.“, 116). В грузинском этого корня gar- „плакать“ не имеется.

5. Gort (*գորտ*) „лягушка“ сравнивается с латышским warde, восточно-латыш. vargle, литовским varlė „лягушка“, выводя все эти формы из общего „язычного“ wordo- (см. „Корн. сл.“, II, 287). Но, конечно, это несостоятельно из-за присутствия этих слов у далеких друг от друга только двух языковых групп, а, во-вторых, наличествует близкое армянам мегрельское gorti с тем же значением, что Ачарян хочет считать заимствованием с армянского (ibid., стр. 288). Но нужно было учесть наличие и тушинского kuarti „лягушка“. По-моему, все эти gort—kuarti—кавказского происхождения и носят скорее звукоподражательный характер.

6. D o x (*դօք*) в современных армянских диалектах, начиная от Эрзерума через араратский и кончая карабахским-карадахским диалектом до Бананца и Гандзака, значит „подростий птенец голубя или курицы“ (см. диалектологические словари Аматауни, стр. 169, 603, и Ачаряна, 282). И. Кипшидзе в своей „Грам. мегр. языка“ (стр. 228) с этим армянским словом сопоставляет мегр. doḡia „курочка“, что, конечно, правильно. Мегрельское -ia есть суффикс уменьшительно-ласкательный. Следует отметить редкое звуковое явление соответствия арм. x мегрельскому (грузинскому) ƣ или k; ср. новоарм. dox (древнее doxp) „деревянный сосуд над жерновом, куда ссыпают зерно“ и сумеро-аккадское duk или dug „сосуд“ (и детерминатив для имен сосудов). Имея в виду, что арм. dox „молодой голубь, курочка“ употребляют ахалкалакские и ахалцхские армяне, т. е. выходцы из Эрзерума, затем араратцы (Аштарак, Ошакан, Эчмиадзин), а жители Бананца и Карадага говорят на карабахском близком диалекте, получается какое-то историческое направление с Эрзерума (восток Хайасы) через долину Аракса к Карабагу.

т. е. путь, которого придерживалась часть хайасцев и балайцев, при движении с долин Понта и верхнего Евфрата на восток по долине Аракса, до последних заселений „племен бала“ (karabala=Карабаг) и „страны бала“ (арм. bal-ac ašxarh=Зангезур).

7. Erindž (*Էրինջ*) „телица“ (двух лет) и ardž-aṛ (*արձար*) „крупный рогатый скот“ (сейчас „бычок“). Н. Марр считал их заимствованными с мегрельского oridži или orindži „скот“ и ordži „корова“ (ИАН, 1912, стр. 834). Ачарян считает это несостоятельным, ибо в других кавказских языках подобных слов мы не находим, и ставит вопрос об обратном заимствовании. По-моему, на пространстве Понт—Колхида и района верхнего Евфрата (Хайаса-Аззи) сбытовал корень ridž- с протетическим „а“ или „е“ (т. е. aridž- || eridž-), что свойственно фонетике армянского, хеттского и хурритского языков, а в занских языках с протетическим о, на место картского (и армянского) „а“, хотя в картском нет этого слова. Арм. ardž-aṛ получилось из ar(i)dž-al, а erindž имеет только вставочное перед „дž“ новое „п“, как общее явление. Тем самым мы не можем ставить вопроса о заимствовании. В лазском подобного слова не имеется; быть может вышло из употребления.

8. Хоп-ап-аl или хип-ап-аl „линять“ в современных диалектах (Арарат, Казах, Лори, Карабаг, Тбилиси). В лазском (восточном) языке имеется корень хип- (неопр. форма о-хип-и) „бледнеть, линять, желтеть“ (от лихорадки)—см. Н. Марр, „Грам. чанск. яз.“, стр. 232. Лазская форма употребляется в городе Хопе, в западных же говорах (Атене, Вице) мы бы ожидали вид хип-, т. е. более близкий к армянскому хип-, чего сейчас не застаем. Но все же это чередование и (о) || i

в этих лазских говорах считается нормативным, как то: западное *nusa* „невеста“ при восточном *nisa* (заимствовано из индоевр. **snusa* „сноха“?), зап. *gub-* вост. *gib-* „варить“, *guth-* || *gith* „стоять“, *thor-* || *thir-* „уносить“, *kod-* || *kid-* „строить“, *škor-* || *škir-* „быть голодным“, *cor-* || *cir-* „просеивать“, *çop-* || *çip-* „вешать“ и т. д. Так что арм. *хоп-* или *хип-* „линять“ имеет западно-лазский вид, но нет веских данных, чтобы ставить вопрос о заимствовании их из одного языка на другой. Армянские диалекты (северные) довольно богато используют этот корень *хоп-* или *хип-*. С другой стороны, армянский язык может сблизиться с восточной лазской формой, а не с западной. Например, в лазском имеется западная форма *cor-* „просеивать через сито“ при восточном (в Хопе) *cir-* (*id.*), с чем сходится арм. *cir* (*ghr*) „рассеянный“, хотя нужно иметь в виду, что к этому восточно-лазскому примыкает и мегрельское *cir-* (неопр. форма *cirua*) „просеивать“ при картском *сга* „посыпать мукой, моросить (дождь)“. Арм. форму *cir* напрасно связывают с санс. *çhurâyati* „сеять“ Петерсон и Ачарян („Корневой словарь“, VI, 1069—1071), как индоевропейское образование от корня **sk'ēr-*.

9. *Շաթա* (*дшпш*) „слуга, раб“ употребляется с древнейших времен. В конце формально пишется „j“, что, как показывает этимология, не имеет значения. По последнему же „а“ примыкает к ряду слов, происходящих большей частью из южных пределов исторической Армении, как *phesa* „зять“, *egexa* „дитя, ребенок“, *Ara* (имя божества), *təla* „мальчик“ (арам. слово), *tarra* (*id.*), *əpça* „подарок“ и т. п. По происхождению это армянское *ша́та* неотделимо от хурритского *šag-* или *zag-* „раб, колон, слуга“, значение которого сейчас уточнено по сумеро-хурритскому дву-

язычному словарю (см. мою работу „Хурритские слова армянского языка“, Ереван, 1951). Хурритские разные писания *ṣaṣ-* или *zaṣ-*, что, видимо, отображает местное диалектное произношение (шипящее и свистящее), отложились не только в армянском *ṣaṣa* (где вместо арм. „*ř*“ в клинописи всегда двойное *ṣ*), но и в мегрельском *ṣkoṣi* „раб“ из старого **ṣkoṣi*, как лазомегрельский глагол *ṣkom-* „есть, кушать“ получился из **ṣom-* (ср. груз. *ṣama* „есть, кушать“). Мегрельское старое **ṣkoṣi* „раб“, вероятно, звучало раньше **ṣkoṣi*, ибо грузинская языковая группа избегает двойного согласного. Мегрельское *ṣoṣ(r)-* есть точный фонетический эквивалент армянского *ṣaṣ-* (а), если отбросить конечное („арамейское“) гласное „а“. Возможно, что и в Армении бытовала форма **ṣaṣa*, как, напр., имеем *zawak* „дитя“ (общего рода) и *ṣawak-eth* „дитя“ (женс. пола). Нет сомнения, что к этому **ṣoṣ(r)-* „раб“ примыкает и производное *ṣort* „крепостной, раб“, известное у армян с X в. и в современных многочисленных диалектах. Грузинское (картское) *ṣorti*, не известное в древней литературе, значило по словарю Чубинова „статуя“, а по лексикографу С. Сулхан-Орбелиани „крепостной с одним отрезанным ухом“. Н. Марр готов был и русское „черт“ связать с этим армяно-груз. *ṣort*, что можно было бы защитить в том смысле, если *ṣort* был слугой подземного бога (а слуги у богов известны из древней литературы, напр., клинописной). Мегрелы свое слово *ṣkoṣi* (<**ṣkoṣi*) могли взять с юга и без посредства армян, о чем см. вышеупомянутую мою работу.

10. *ṣakəth-el* (*ṣṣṣṣ-ḫl*) „прорасти, пробиваться“ (растение, зуб) употребляется в современном араратском диалекте и в точности соответствует мегрель-

скому dzgud- (ժջլլ) „расти, прорасти, пробиваться“. Интересно то, что мегрельский корень состоит из звонких согласных (dz, g, d), а в араратском наличны глухие (ç, k, th). Если мегрельское начальное dzg (ժջ) развилось из одного dz, то армянское слово придется считать заимствованным, а такую „децессивность“ не удастся пока установить. То же самое я бы сказал и относительно араратского čamkəth-el „щипнуть“ (в других диалектах kəčməth-el) и мегрельского čkitonua „щипнуть“, где арм. согласный ряд č-m-k-th соответствует мегрельскому ç-k-t-p с перескоком (метатезом) звука „п“.

11. Kīnč (կինճ) или kindž (կինջ) „кабан, дикая свинья“ Н. Марр справедливо сопоставил с лазо-мегрельским ɣedži (id.). Для соответствия лазо-мегр. ɣ армянскому k можно указать и на лазское ɣлер „мягкая кожа грецкого ореха“ и арм. kler (id.), взятые из семитического (арамейского) мира. Ср. также арм. kuz „горбатый“, kəz-ač-al „согнуться“ и мегр. ɣuz- „сгибаться, нагибаться“.

12. Čət-el (չըտ-ել) „закрыть один глаз и пристально смотреть другим“, как, например, при стрельбе. Употребляется в араратском и харбердском диалектах (см. диал. словарь Ачаряна, стр. 737, и С. Аматуни, стр. 450). В Харберде говорится: čət-el „с полузакрытым глазом косо смотреть“, čət-ik- или čətik-ačwi „с полузакрытыми глазами косо смотрящий“. В Эчмиадзине это čət-el употребляется и сейчас. Корень нашего глагола čət- по армянской фонетике должен был быть при ударе čit- или čut-. Я сравниваю его с мегрельским čwit- или čut- „закрыть глаза“ (см. у Кипшидзе, стр. 388).

13. $\dot{\text{C}}\text{o}th$ (Հոթ) во многих армянских диалектах значит „кусок, кроха“ (от хлеба, земли, платья и др.), „отрез, платье“ ($\dot{\text{c}}\text{o}th\ a\dot{\text{n}}-el$ „покупать белье“), „доля“ ($\dot{\text{c}}\text{o}th\ a\dot{\text{n}}el$ „делить наследство“); ср. также $\dot{\text{c}}\text{o}th\ \dot{\text{c}}\text{o}th\ gal$ как синоним $ktor\ ktor\ gal$ „кокетничать“. С прибавлением суф. $\dot{\text{r}}$, т. е. $\dot{\text{c}}\text{o}th-\dot{\text{r}}-el$, получаем глагольное действие „разорвать“ и т. п. (см. у Ачаряна, стр. 728, и Аматуни, стр. 442). Я сопоставляю этот почти общенародный корень $\dot{\text{c}}\text{o}th$ „кусок, доля“ или „разорвать, делить“ с лазо-мегрельскими формами: $\check{\text{c}}k\text{wid-} \parallel \check{\text{c}}k\text{id-}$ „ломать, разрывать“ $\check{\text{c}}k\text{od-}$ „разорвать, оторвать“ (Марр, „Грам. чанск. яз.“, 226, 227) и $\check{\text{c}}k\text{wad-} \parallel \check{\text{c}}k\text{wid-} \parallel \check{\text{c}}k\text{od-}$ „разорвать, истреблять“ (у Кипшидзе, стр. 394), где начальное $\check{\text{c}}k$ есть децессивная или осложненная форма от простого $\check{\text{c}}$. Особенно нужно отметить чередующуюся разновидность $\check{\text{c}}k\text{od-}$ из $\check{\text{c}}\text{od-}$, вполне соответствующую армянскому $\dot{\text{c}}\text{o}th$.

14. $\dot{\text{C}}\ \acute{\text{e}}\ x\dot{\text{i}}l$ (Հքիլ) „внутренности с кишками“ в диалектах Еревана (арар.) и Тбилиси, откуда $\check{\text{c}}\acute{\text{e}}x\acute{\text{e}}l-el$ „раздавить“, в Трапезунде $\check{\text{c}}\acute{\text{e}}\dot{\text{x}}\dot{\text{i}}l-el$ „давить“, в Нор-Баязете $\check{\text{c}}\acute{\text{e}}x\dot{\text{i}}l-uk$ „раскисший от спелости“ (абрикос и пр.), $\check{\text{c}}\acute{\text{e}}x\acute{\text{e}}l-t-og-el$ (в Ахалкалаки) „раздавить, выжимать“ и т. д. Чистый корень $\check{\text{c}}\acute{\text{e}}x\dot{\text{i}}l$ сохранился в араратском диалекте ($\check{\text{c}}\acute{\text{e}}x\dot{\text{i}}l\acute{\text{e}}\ d\dot{\text{u}}rs\ e\acute{\text{c}}av$ „внутренности вышли“) и сроден, по-моему, с мегрельским $\check{\text{c}}\dot{\text{i}}l\dot{\text{x}}-ua$ „сжимать, выжимать“, лазским $\check{\text{c}}\dot{\text{i}}l\dot{\text{a}}x-(o-\check{\text{c}}\dot{\text{i}}l\dot{\text{a}}x-u)$ „давить руками, выжимать сок руками“. Хотя арм. корень $\check{\text{c}}\acute{\text{e}}x\dot{\text{i}}l$ (собств. „внутренности как выжимки“) по звучанию ближе к мегр. $\check{\text{c}}\dot{\text{i}}l\dot{\text{x}}$ -, чем к лазс. $\check{\text{c}}\dot{\text{i}}l\dot{\text{a}}x$ -, а по согласному „ $\check{\text{c}}$ “ даже лучше передает лазо-мегрельское шипящее состояние консонантизма, и хотя арм. глагол употребляется в северных диалектах, как Арарат, Лори, Казах, Тбилиси,

Трапезунд и др., тем не менее вопроса о заимствованности не может быть. В самом же картском этого глагола нет.

15. Mərtim (*dʰrɛmʰdʰ*) в араратском диалекте (Аштарак, Ошакан) означает „маленький сорт уток, с черной головой, серыми крыльями, отчасти с белыми прослойками, с коротким плоским клювом и короткими ногами“ (см. у Аматауни, 495). Но в древней литературе есть mrtim несколько в ином значении „морская рыбоядная птица“, а в Араратской низменности она — утка и водится в реках. Тем не менее это mərtim нельзя отделить от лазского слова martini „чайка“, как переводится у Н. Марра.

16. ōšos (*o₂n₂*) „ромашка“ (по франц. camomille) употребляют наши диалекты (Арарат, Карин, Карабар), ošōšik или ošōšuk (в Муше), судя по словарям Ачаряна и Аматауни. В мегрельском языке (Кишвидзе, 295), как и в картском, тоже есть ošōša „будра, кротовик“ (у Чубинова — ošmeše, ošōša, ošōšia). В армянском языке имеется много названий растений на -oš, как pəšōš, thełōš, mološ, alatoš (у Аматауни, 683) и пр., так что вопроса о заимствовании с какой-либо стороны пока невозможно ставить.

17. Orogajth (*prɔɟwɟθ*) „западня, силок“ имеет корнем orog- и суф. -ajth, как имеется суф. -ajth и в слове čařagajth „луч“ от глагола čařag-el „сиять, излучиться“ (ср. сумерское zalag „блестящий“ и хурритское слово zalḫ „золото“). Этот арм. orog- мог быть чередующейся новой формой от обыкновенной arag-, как имеем sołor-el и sałar-el „колебаться, спотыкаться“ или же očor-kh || ačar „потолок“ (ср. лазс. čeri в Хопе, груз. čeri с тем же значением). И действительно, имеется aragaz и чаще eragaz (с суф. -az) „тенета для лов-

ли диких животных". Но эта разновидность корня егаг-наличествует и в лазо-мегрельских языках, как то: мегр. ragvi „западня для птиц“, лазс. ragi (в Вице) „мышеловка“, ereki (в Вице) и ireki (в Хопе) „силоч для птиц“. Нет сомнения, что лазо-мегрельские имена для западни и пр. образовались от мегр. глагола ragw- „набрасываться, накидываться“, в связи с чем армянские eragaz || aragaz, а возможно и ogoğajth, придется считать заимствованными. Но разнородность формы арм. глагола orog- и суффиксов (-ajth, -az), как и частое их употребление, не исключает считать армянское образование за общие слова и корни, принадлежащие многим племенам от Понта до Чороха и верхнего Евфрата. Армянские слова, несомненно, идут из Хайасы.

18. Sox (*սոխ*) „лук“—обыкновенное слово древности и современных почти всех диалектов (за исключением Карабага и Шамахи). Считали его заимствованным из персидского (sōx), хотя иранское происхождение этого слова не дается и отсутствует в других иранских языках (см. у Ачаряна, „Корн. словарь“, VI, 316). Как справедливо указывал И. Кипшидзе („Грам. мегр. яз.“), мегр. soxi „лук, цыбуля“ наряду с персидским и армянским тем же словом может указать на „яфетическое“ его происхождение. В связи с этим я бы хотел указать не только на малоазийское происхождение арм. рәпдук „фындык“, т. е. мелкого ореха (из pontic-us), не только слова „черешня“ (от имени города Керасунд, арм. keřas „черешня“, лат. cerasus, рус. черешня и пр.), но и арм. bal „вишня“, лазск. buli, груз. balі, что я ставлю в связь с именем многочисленных и культурных balā или palā, живших в среднем течении реки Ирис, на низменных беззащитных

местах. Так что в северо-западных частях Малой Армении, в Понте и окрестностях имеем культуру и наименование мелкого ореха (фындыка), черешни и вишни.

19. *Va lordajñ* (վալորդայն) „раннее утро, утро“, *i va lordajñē minč i va lordajñ* „с утра до утра, каждое утро“. Этим словом переводится греч. *heōs* „утренняя заря, утро, рассвет“¹. Слово это в первой части связано со словом *va* „рано, скоро“, а остальная его часть остается необъяснимой (нет и в „Корн. словаре“ проф. Ачаряна). Эту часть *ordajñ* я рассматриваю как существительное со значением „утро“, причем *-ajñ* считаю суффиксом, как имеется, напр., в слове *ogov-ajñ* „живот, утроба“, *ostajñ* „ткань, паутина“. Корневую же часть *ord-* „утро“ я связываю с мегрельским *ordo* „заря, утро“, *ordošo* „к утру, на утро“ (см. И. Кипш., „Грам. минг. языка“, стр. 294), лазским *ordo* (Атене, Вице) „рано, быстро, спешно“ (Н. „Март, Грам. чанск. яз.“, стр. 177). Как видим, в древнейший период армянского языка были редкие суффиксы *-az* (*eragaz*, *aragaz*), *-ajth* (*orogajth*, *čaragajth*), *-ajñ* (*ordajñ*, *ogovajñ*, *ostajñ*... и прил. *up-ajñ* „напрасный“, *erk-ajñ* „длинный“ и пр.), и это доказывается на основании связей с лазо-мегрельской группой грузинского общего языка в долине Чо-роха.

20. *Ogov-ajñ* (ոգովայն) „живот, утроба“ по Лидену из индо-евр. **q̥gor*, что дало др.-верх. нем. *hrēf* или *rēf* „живот, матка“, лат. *corpus* „тело“, греч. *prapris* „диафрагма, сердце, душа“, санск. *kṛp* „явление, красота“, пехл. *kerp* „вид, форма“ (>арм. *kerp*) и пр. (см. у Ачаряна, „Корн. сл.“, V, стр. 597—599). Но фоне-

¹ Ср. перевод греч. *heōs-phōros* „приносящий утро, утренняя звезда Сириус“ с армянским *va lordajñazgecik* (см. Ачарян, „Ист. арм. яз.“, II, 145).

тически это несостоятельно, ибо начальное q в армянском не должно было выпасть.

Слово *ogov-ajñ* как по корню, так и по суффиксу принадлежит автохтонному народу хаев, подобно *ord-ajñ* „утро“, *ost-ajñ* „ткань, паутина“, как того же происхождения другое синонимное слово *phog* „живот“ (первично „полость, дупло, пустошь, выпуклость“), откуда *phorotikh* „внутренности“. Но *phog* значит также „падь, лощина, ущелье“ в собственных именах мест (напр., *Koḽbaphor*, *Partizacphor*, *Berdacphor*, *Ureacphor* и пр.), как правильно разъяснил еще Гюбшман. Такое же развитие значений мы имеем и в греческих словах от корня *koil-os* „выдолбленный (природой или искусственно), пустой, выпуклый, впалый“ (о корабле, о лощине или гавани между горами и пр.), *koiloma* „углубление, русло реки, пропасть, обрыв“, *koilía* „желудок, живот, брюхо, чрево“. Имея в виду это древнее представление о выпуклости или вогнутости, вероятно в связи с небом (ср. лат. *coelum* „небо“ и греч. *koilos*), и имеющиеся производные представления как в природе, так и у человека („пузо, живот“), я предлагаю арм. *ogov-* генетически связать с мегрельским *gobi* „ущелье овраг, ров“ (см. у Кипшидзе, 308), лазс. *guba*, *oguba* (в Атене) „ущелье с рекой, река“ (у Н. Марра, 182), мегр. *gorhe* „глубокое корыто, выдолбленное бревно для воды и корма животных“ (*ibid.*, 309), груз. *goba* „корыто“ (Чубин., стр. 1041). Первичный корень был (o)gov- || (o)gorh- со значением „впадина“, откуда и производные значения „лощина, овраг“ или „корыто, выдолбленное бревно“ и т. п. В армянском срединное древнее „р“ переходит в „w“ в индо-европейских *ew* „и, также“ из **erí*, *hoviw* „пастух“ из **ovira* и др., а начальное „о“ слова *ogov-ajñ* есть повторение сере-

динного „о“ из-за избегания слова с начальным „г“. Тем не менее для генезиса этого начального „о“ следует иметь в виду аналогичное образование и слова *ost-ajñ* „ткань, паутина“ с тем же суф. -ajñ и начальным „о“, что наличествует и в современном диалектном (Карабаг, Казах, Шуша) слове *ost* „пряжа (нити), намотанная на веретене (шпенделе)“, так что в начальном „о“ нельзя видеть лазо-мегрельский начальный преф. о-, который в именах и прилагательных выражает место чего-либо, местопребывание, орудие, предназначение и пр. наподобие груз. *sa*¹. В этих же армянских диалектах есть и *vostan* (из *ostan*) в значении „деревянное приспособление для ткания ковра“, как древнее *ostajñ* значило „ткань (материя)“ и „паутина“, но и „ткацкий станок“. Подобно *ordajñ* „утро“, *ogovajñ* „живот“ слово *ostajñ* своим корнем и редким -ajñ свидетельствует о хайасском своем происхождении: корень *ost-* „ткать“ (в древности и совр. диалекте Гориса и Карабара) и „пряхь“ (в „*ost*“) я сравниваю с грузинским *stva* „ткать“ (*v-stav* „тку“, как пишет Н. Мавр, см. его „Осн. табл.“, табл. XIII) и *sthva* „пряхь“, *sth-uli* или *na-sthi* „пряденный“ (Чуб., „Рус.-груз. сл.“, 1887, стр. 1167).

Эти общие корни *ogov-(ajñ)*, *ost-(ajñ)* и *ord-(ajñ)* у армян и грузин, несомненно, исходят от племен, обитавших в верховьях Евфрата и Чороха.

21. *Dz ul-el* „плавить“ с корнем *dzojl-*, хотя есть и *dziwl-el* и *dzōl-el*, что может свидетельствовать о твердом изначальном виде *dzoł-* и мягком новом *dzojl-*. Этот

¹ Возможно такой преф. о- имеется в древнеармянском слове *oŋig* „преступление“, понимая его как „предмет боли“ в связи с груз. *ŋig* „боль, беда, горе“. В таком случае арм. слово есть заимствование из лазо-мегрельского языка.

корень хотят вывести из индо-евр. *g'hew- „плавить“ с арм. придатком „l“, как, напр., в греч. χυλός „сок, отвар“. Это—очень натянутая этимология, как и этимология арм. dzawn „подарок“ от этого же корня *g'hew-, к чему можно отнести только арм. dzew „форма“. К армянскому же dzawn „дар“ примыкает лазо-мегр. dʒɔp- „посылать в дар, дарить“, как впервые отметил Н. Марр, что не есть заимствование с армянского, как трактует Ачарян. Что касается арм. dzoł- || -dzojl-, то этот корень первичный, а не от индо-евр. *g'hew- и принадлежит хайскому (не индо-европейскому) слою арм. языка, имея в виду мегр. dʒul- „плавить“, „таять“ (Кипш., стр. 288) и лазс. dʒul- „перезреть, прокинуть“ (Н. Марр, „Грам. чанс. яз.“, стр. 141). Форма dʒul- несомненно из dul-, что не отделяется по смыслу и звучанию от армянского dzoł-, особенно если иметь в виду частое звукоизменение d > dz в армянском языке.

22. Thaphur „деревянный поднос, блюдо“, диалектные tephur (Харберд, Акн, Ереван, Себастья, Тбилиси...) или thephur (Хнус, Хамшен, Карабаг...) обозначают то же самое блюдо, на котором кушают или очищают зерна (пшеницу, рис и пр.), откуда арабское tephri-el „очистить зерна при помощи этого тephура“ (особо двигают и подбрасывают). Это слово сближали с перс. tafur „каменный или глиняный сосуд“, как источник армянских этих слов. Но персидское слово означает керамический или каменный сосуд, а не поднос или блюдо, а армянский предмет делается из дерева, что подтверждает и лазское tephuri „лазский круглый стол на одной низкой ножке“, что Ачарян считает взятым из армянского языка. Но у армян не стол на одной ножке, а круглое деревянное блюдо вроде подноса. Источником всех этих слов я

предлагал в одно время считать хеттское *tapulli*, употребляющееся в своде законов и переводимое Фр. Грозным и Каррутерсом через „поднос“ (*plateau*), хотя Гютербок (см. *ZA*, N. F, X, 61) оспаривает это мнение, считая это *tapulli* за какой-то режущий инструмент, ибо может быть приготовлен из металла, но не нож. Сейчас мне предпочтительнее представляется все эти арм. *thaphur*, *thephur* и *tephur* („блюдо, поднос“) с лазским *tephuri* („стол“) считать преобразованными формами от хурритского *tapri*—род стула ('a kind of seat', см. E. Sturtevant, *Supplement to a Hit. Glos.*, 1939, стр. 42). Возможен ли был предметный и терминологический переход от стула к столу? При оправдании перевода Грозного и Каррутерса хеттс. *tapulli* стало бы источником латинск. *tabula*, греч. *tabla* и пр. с первичным значением „круглая доска“.

23. *Tunt* или *tundi* у карабахских армян означает „бедро, зад“, что в апаратском диалекте звучит *tətuz* или *tutuz* (для ребенка) -*id.* Этимологически я сравниваю с лазским *tutuli* „бедро“, а все они вместе с общеармянским *tutn* (совр. *tut*), откуда *tət-un* (из **tut-un*) „оконечность, хвост“, с чем быть может стоит в связи имя хайасского бога *Trittituni* (из *tri-tutun* „треххвостный“?). Ср. имя греч. бога *Tritōn*.

24. *Phajl* „блеск“, *phajlakn* „молния“, *phajl-el* „сиять, сверкать“, народное *phajlphəl-el* (*id.*) и пр. Здесь *phajl* представляется с мягким „l“ и развивается в „jl“, как имеем *pə-ʒojl* и *ʒoʃ* „луч, светоч“, *ajl* „другой“ и вероятно **aʃ* в сложном *aʃ-aw-aʃ-el* (= *ajlajl-el*) „извратить“, *ardʒojl* || *ardzoʃ* „сети, западня“, *thojl* „слабый“ и *thoʃ-ul* „оставить“ и т. п. На этом основании при *phajl* должна быть и твердая форма *phaʃ-* в удвоенном *phaʃphaʃ-el* или *phoʃphoʃ-el* „сверкать“, *paʃpadž-el* (*id.*),

народные *rəlrəl-al* || *rəzrəl-al* (id.). В этом фонетическом историческом аспекте первичным было *phał-* „сверкание, блеск“, с чем я сравниваю лазское *phaluri* (в Атене, Вице) „пламя“, что в Хопе метатезируется в *phareli* (см. у Марра, „Грам. чанск. яз.“, стр. 193). Это *phaluri* первично было прилагательной формой с суффиксом- *uri*¹).

25. *Khith* (*ϣϣ*) „нос“ был присущ и мегрельскому языку в форме *nikhithi* „рыло, морда, нос“. И. Кипшидзе, приводя это слово, отделяет начальное *ni-*, которое часто образуется в начале слов и чаще представлено одним „п“. В мегрельском есть и другое синонимное слово *džondžo* „рыло, морда“, в соответствии которого армяне имеют *dunč* (id.), как при мегр. *džodžo* „ящерица“ есть арм. *dodoš* с тем же значением, — ср. и *akhra-thothoš* (id.). В армянском иноязычное начальное *ni-* перед согласным передается как эп-, напр., при груз. *nigozi* „орех“ имеем арм. *əpkojz* (id.) при груз. *niči* „дар, подарок“ имеем арм. *əpča* (для чего в груз. ожидали бы **niči*), при аккадском *Nik* (*k*)*al*, имени богини (из сум. *Nin-gal* „дама великая“) имеем арм. *Əngla* — какое-то морское чудовище, что прошло через сирийское влияние (фонетическое и смысловое). В этом историко-фонетическом подходе арм. *əpkojz* „орех“ при семитич. *guz* (id.) нужно считать заимствованием из грузинского.

Вообще вопрос об общих лексических элементах между лазо-мегрельским и армянским иногда требует

¹ Подобное же субстантивированное прилагательное я вижу и в армянском диалектном (в Аштараке) слове *cinthug* (*ժիւթուղ*) „хилый, часто болеющий“ (особенно о детях), что, по-моему, есть заимствование с грузинского.

учета и других многих сопутствующих условий. Например, лазс-мерс. *dadi* „бабушка“ и *babu* „дедушка“ в точности соответствуют народно-армянским *tat* и *rap* с теми же значениями, но проф. Ачарян для решения исконности их происхождения выдвигает не без основания их звукоподражательный характер, что правильнее было бы назвать детскими или лепетательными словами (*Lallwörter*). Затем, напр., в мегрельском есть *kunta* „низкий, безногий“, *dakunt-ua* „скорчиться, стать безногим“, к чему я бы отнес по близкому звучанию армянское диалектное *kond* „с расслабленными (парализованными) ногами человек“, но все же мегрельское слово, видимо, не точно переводится. Точно так же для мегрельского *çir* (ჭირ) „обедня; жертвовать“, если допустить первоначальное древнее значение „дарение, приношение“, как это имеется в эволюции арм. *patarag* „дар“ и позже „обедня“, то можно было бы это мегрельское слово *çir* связать с армянским *dzir* „подарок, дар“ (откуда *dzəgi* „даром“), при допущении фонетической закономерности арм. *dz* = мегр. *ç* (= *ts*). В этом отношении я бы затруднился настоять на первичности арм. *məžet* „шмель“ (*məž-1-uk* с суфф. *-uk*) и лазс. *mžudži* (*id.*), что говорит о прежней форме *mžul-* (при арм. *mžet* < *mžil*). Далее можно со сравнительно лингвистических общих позиций, имея в виду столь значительное количество корреспонденций, сопоставить мегрельское *xutil* „обнимать“ с арм. диалектным (народным) *xətit* „объятие“ (*xətət-el* „взять в объятия, обнять“), но трудно объяснить конструкцию этих глаголов. Другого рода трудности стоят, напр., при сопоставлении мегр. *la-x-ua* „бить, избить“ с корнем *lex-el* „крошить, избить“ у ванских армян: во-первых, их значения несколько отдаляются и, во-вто-

рых, эти языки очень далеко отстоят друг от друга, так что сходство этих глаголов случайное. Наконец, такие языки могут быть и близки географически, но фонетические условия могут свидетельствовать об их независимости, как, напр., мегр. *olage* „место для шага, чтобы перешагнуть“, что И. Кипшидзе справедливо сравнивает с груз. *ladži* „шаг“. Армянское диалектное *log* „большой шаг“ (в Арарате, Лори, Казахе, и Карабаге) сродно этим словам, но вопроса о его заимствованности я не могу поставить, хотя армянское слово *log* (произносится *lokh*) обретается в северных областях, близко к Грузии. Таких сходных или близких случаев, естественно, может быть много, а в древности было еще больше. Но отсутствие литературы на этих лазо-мегрельских языках не дает возможности точно выделить как наличное в них количество слов и корней, не говоря о формах, так и более древнее их значение. Некоторым коррективом в этом отношении является древнегрузинский язык, как в отношении армянских диалектов подобную роль играет древнеписьменный армянский язык с пятого века (грабар). Тем не менее, *приведенные мной более двух десятков общих слов (корней) между армянским и лазо-мегрельскими языками положительно решают вопрос об исторической и генетической связи между ними.*

А теперь мы возьмем лексические заимствования, которые, естественно, также были.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

Считают заимствованными из армянского следующие слова:

- 1) *Anderi* (лазс.) „беспризорный“ по Н. Марру

взято с арм. *anter* (*անտեր*), что состоит из *an-* „без“, „не-“ и *tēr* „владыко, господин“.

2) *Thani* (лазс.) „пахтание“ по Н. Марру есть арм. *than* с тем же значением.

3) *Ma(r)karthi* (лазс.) „закваска для простокваши“ по Ачаряну взято с армянского однозначного *makard*(*id.*).

4) *Maraka* (мерг.) „скотный двор, помещение для свиней“ по Кипшидзе и Ачаряну взято из армянского *maṛag* „помещение для сена и соломы“, проникшее и к кавказским кюринцам (*maṛak'w*), курдам (*marak*) и восточным туркам в Анатолии (*merak*).

5) *Omkurga* (лазс.) „ясли“ по Н. Марру взято из армянского языка, где имеем *məsur* „ясли“, но лазское слово претерпело много фонетических изменений, подобно как груз. *vašli* „яблоко“ стало у лазов *iškuri*.

6) *Phati* (лазс.) „кусоч доски“ по Н. Марру есть арм. *phajt* „дрова“.

7) *Suriki* (лазс.) „розовый скворец“ (Н. Марр, „Грам. чанск. яз.“, стр. 186) по Ачаряну взято с арм. *sarek* „скворец“.

8) *Bardi* (лазс.) „стог, в частности папоротника, собираемого для унаваживания почвы“ (Н. Марр, „Грам. чанск. яз.“, стр. 129). Ачарян в своем „Корневом словаре“ (I, 1003—1005) это лазское слово считает заимствованным с армянского, где *bard* (*բարդ*) значит „стог“ (сена, скошенных хлебов) и „сложный“, откуда *bardak* „группа, стог“, *bard-el* „наваливать, усложнять, накапливать“ и т. п. Это мнение правильное, ибо сами армяне это слово взяли у иранцев, из чисто персидского диалекта, где был корень *bard*, ставший впоследствии *bul-* (*buland* „высокий“), как имеем от *sardar* „начальник“ (собств. „голову держащий“) новое

salar (id.), от старого vard „цветок, роза“ новое gul (vard > vəl > gul, ср. курдс. заза wələk „цветок“). При чисто персидском *bard > bul-(and) „высокий“ имеются авест. barzant „высокий, высота“ (т. е. соответствие перс. *bardant), barzah „высота“, пехлев. burz „высокий“ (=перс. burz), осетин. bārzond (id.) и т. д. Слово bard сохранили и армянские диалекты Алашкерта, Харберда (Харпута), Карина (Эрзерума), Муша, Мокса, Вана и др., где оно значит „особая мера скошенного хлеба“ (30—40 снопов). Лазы непосредственно не могли перенять слово bardī от персов, без посредства соседствующих армян, ибо в грузинском (картском) этого слова нет; в соседнем арм. диалекте Эрзерума это слово приобрело новое значение „стог“ в 30—40 снопов. То же значение имеется и у курдов (part „стог в 30 снопов“), которые также переняли это слово у армян.

9) Kherendi (лазс.) „коса“, что Н. Марр сопоставлял с арм. gerandi, видимо как заимствование.

10) Gabari (мегр.) „плоскогорие“ рассматривалось И. Кипшидзе, как сложение из ga „холм“ и bari „равнина“. По-моему, это мегрельское слово можно сопоставить с арм. gawaṛ „область“, как заимствование, имея в виду также и малоазийское имя места Sargavṛ-asene, где sar по-хеттски значит „высокий“, а все слово „Высокая область“(?).

11) Arvani „ступка деревянная“ получилось из avani < havani, что как иранское слово передалось армянам в форме havan „ступка“ (ср. пехл. hāvan, авест. hāvana, перс. hāvan и др.). Мегрелы взяли это слово либо от армян, либо от турок, что менее вероятно.

12) Rikali „длинный, высокий“ (напр., шея) мегрелы вероятно заимствовали у армян из *gkar < erkar „длин-

ный", через прогрессивную диссимиляцию двух "г". У армян от корня егk- "длинный" есть не только егkаг, но и егk-ајп с тем же значением. Корень kіg- или keг- "длинный" и производное kігаг (=kгаг) "длинный" есть и в хурритском языке.

Но есть, конечно, и обратные заимствования, точное количество которых невозможно установить, как и в первом случае. Пока можно констатировать следующие армянские заимствования из лазо-мегрельской языковой группы:

1) Bozi (*բօզի*) "солнце" приводится как армянское слово у лексикографа Еремии Мегринского (стр. 56), см. у Ачаряна "Корн. словарь", I, стр. 1127. Мне думается, что это слово заимствовано из западной ветви грузинских языков, имея в виду мегр. bža, лазс. mžoga, груз. mze, хотя возможно, что форма bozi немного изменена, как это большей частью мы видим почти во всех словах издания упомянутого лексикографа.

2) Bur d ž (*բւրձ*) в арар. диалекте значит "почки только что озеленевшей ивовой ветви", с чем одинаково лазс. phurdži "почка" (растений), dophurdže "сложился в почку, завязался, дал завязь".

3) Kakal (*կակալ*) "орех без зеленой кожуры" употребляется в армянских диалектах Хотрджура, Карина, Хамшена, Тбилиси (см. у Ачаряна "Провинциальный словарь", 540), а также в араратском диалекте, где есть такое выражение, как ророkhə kakal apel или равноценное ророkhə dzudzuk apel (произносится dz'ucug) "орех сделать какалом", т. е. удалить от сбитых с дерева орехов их зеленую кожуру. Говорят и kakal-el. Несомненно, оно заимствовано из

лазо-мегрельского *kaḱalī* с тем же значением, хотя оно налично и в картском.

4) *Kḱiḱ* (*ḱḱiḱ*) или *kḱiḱ* (*ḱḱiḱ*) „горшок“ употребляется в северных диалектах (Ахалцых, Ереван, Джульфа, Тбилиси, Харберд, Карабаг, Агулис) в форме *kḱiḱ*, а в Себастии и Арабкире в форме *gədžidž* (*ḱḱiḱ*) или *gədžig*. Считаю заимствованным из лазо-мегрельских языков, имея в виду мегр. *čkudži*, откуда и *čkudi* „сосуд“, ме-*čkudže* „гончар“, а эта мегрельская форма получилась из **čudž* как перебойная лазо-мегрельская („иверская“) форма из более старого *čur*, что и сохранилось в древнегрузинском *čuri* „посуда, сосуд, кувшин винный“ (Чуб., „Груз.-рус. сл.“, 1887, стр. 1715—1716). Армянское *kḱiḱ* метатезировалось из мегр. *čkudži*.

5) *Čurig* (*čurig*) „орех“ (в Карабаге) вышло из **čurig* и соответствует мегр. *čuburi* „каштан“ при картском *čabli* (id.). Быть может, форма *čurig* < **čurig* < *čurig*, как и новое значение („орех“ вместо „каштан“), привнесено в современный Карабаг (в промежуточных диалектах нет этого слова), т. е. в последнее место остановки „племен бала“ (*kaḱa balā*), именно этими балайцами, переселившимися с их восточными соседями хаями из Хайасы? Армянские диалекты со средних веков развивают старое „k“ (в начале слова) в новое „kḱ“ (или „kḱ“), „dž“ в новое „džḱ“, „č“ в новое „čḱ“ независимо от такой „децессивности“ в грузинском.

6) *Čirḱ* (*čirḱ*) „нечистота глаз“—частое слово в древности и особенно в современных диалектах (*čirḱ* и *čəriḱ*). Р. Ачарян считает его заимствованием из грузинского *čirpli* „гной на глазах“ („Корн. сл.“, т. IV, стр. 650), но арм. слово в точности отражает ожидае-

мую от *čipli лазо-мегр. форму čirg-i с корреспонденцией „г“ вместо картс. l и с шипящей č вместо картс. с, так что арм. слово заимствовано из лазо-мегрельской языковой группы.

7) Month (*մոնթ*) „послушник, питомец духовной школы“ употребляется в ряде новоармянских диалектов (Арарат, Ван, Лори, Алашкерт, Казах, Карабах и др., см. у Ачаряна, 793, и Апат., 488). Считаю заимствованным из лазо-мегр. языков: мегр. motha „внук“, лазс. motha (в Хопе, Вице) „детеныш, внук“, montha (в Атине) „детеныш“, хотя значения в арм. и лазо-мегр. словах несколько отходят.

8) О́ххаг (*ოჯიჰი*) „овца“ есть заимствование: ср. лазс. čxugi, мегр. čxugi (id.), грузинская первичная форма которых есть сховагi, схвагi „живой, животное, овца“. Начальное „о“ в арм. о́ххаг, видимо, повторение срединного гласного в *čxоваг, ибо армяне, избегая произношения в начале слов с двух согласных, большей частью вначале повторяют срединное гласное (ср. арм. а́ххагh „имение, страна, мир“ из иран. х́шадга и т. п.).

9) Čandž (*ճանջ*) или čanč (*ճանճ*) „муха“ заимствовано, как еще впервые отметили Н. Марр и Ачарян, как в отношении этого, так и предыдущего слов, из мегр. čandži (>čandi) „муха“ (см. Н. Марр, „К вопросу о ближайшем родстве арм. языка с иверским“, ЗВО, т. XIX, 1909, стр. 072) при грузинском m-čegі „муха“.

10) Lakot (*լակոտ*) „щенок“ заимствовано из кавказских языков, как впервые отметил проф. Ачарян, имея в виду груз. lekvi „щенок, львенок“, лазс. laki или lakhi, lači „щенок“, lakoti (id.), к которым я бы прибавил и мегр. lakvi (id.). Правильнее было бы армянское lakot и арм. диалектическое lač „сынко“ (пе-

реходно), как в Муше и в других местах, считать заимствованным из лазского, как в отношении огласовки („а“), свойственной и мегрельскому, так и особенно в отношении суф. -ot, что Н. Марр напрасно считал показателем женского рода, подобно азербайджанскому lākātā „щенок, дурачок“ (см. в „Корн. словаре“ у Ачаряна, т. III, стр. 143—144), тогда как само азербайджанское слово заимствовано из армянского.

11) *Soč anel* или *šoč-el* в араратском диалекте значит „ползти на четвереньках“ (о ребенке) и мною считается заимствованием из мегрельского *šoča* и груз. *šoča* с тем же значением. Так как арм. *thath* и груз. *thathi* „лапа“ фонетически правильно отображены в мегрельском (и лазском) через *thothi* (id.), т. е. с огласовкой „о“, потому и перебойную форму армянского и грузинского *šoč* нужно считать заимствованной из этой лазо-мегр. группы языков.

12) *Kərkith* в арар. диалекте (напр., в Аштараке) значит „твердый“ (орех), ибо сердцевина вынимается с большим трудом и кусками, а не цельно (противоположное этому *kərkith* *porokh* будет *хеҭеҭкені porokh*). Заимствовано, по-моему, из лазского языка, где имеется *kerketa* „твердый (орех)“, *kerketa nedzi* „твердый орех“, хотя не отрицается возможность заимствования арм. слова и непосредственно из грузинского, где имеется *kirkita kakali* „твердый, крепкий орех“ (есть и *kirkaži* „твердый“, см. в словаре Чубинова, 1887, стр. 616)¹.

13) *Phiči*—род дерева, *pinus sativa*, что Ачарян считает заимствованным из грузинского *phičvi* „сосна“,

¹ В арм. переводе греч. философа Теона (Θεων), изд. Я. Манандяна (Ереван, 1938), на стр. 70 вместо греч. *perisklēs* „твердый“ употреблено арм. *կրկիւն* *krkit*.

мегр. *ričvi*, лазс. *phinço*—род ели. И сейчас армянское слово употребляется у выходцев из районов Понта, а именно у жителей из Хотрджура, Аджина и Сведин, а в древности это слово употреблялось в грузинской литературе (см. „Корн. сл.“, VI, стр. 1229). Известный арменист Гюбшман считал эти слова грузинской языковой группы заимствованными из армянского (см. его „Armenische Grammatik“, стр. 397).

14) *Ku*—частица или формальное слово для придания новоармянскому глаголу модальности (изъявительного или предположительного характера), либо временных (будущего) категорий. В последнем случае, т. е. в отношении выражения будущности (*ku gnat* „я пойду“, *ku gnaĵi* „я пошел бы“), как и в отношении выражения модальности (*ku gnat* „иду“, *ku gnaĵi* „я шел“), смотря по дислокации наших диалектов (северные или *-um* диалекты и южные или *ku* диалекты), нашему армянскому этому *ku* вполне соответствует лазское *ko* в выражении будущности. В западном лазском диалекте имеем: *v-ogzi-ko* „зажгу“, *ogzi-ko* „зажгешь“, *ogzu-ko* „зажгет“, *v-ogzi-ko-th* „зажгем“, *ogzi-ko-th* „зажгете“, *ogzu-ko-th* „зажгут“ или, напр., *b-čari-ko* „напишу“, *čari-ko* „напишешь“, *čagu-ko* „напишет“ и т. д. Еще в 1940 г. я указал на звуковую и функциональную общность этих двух формальных элементов—лазс. *ko* и арм. *ku* (>*kə*). Лазское *ko* находится в генетической связи с мегр. (o)*ko* „хочет, нужно“. Очевидно заимствование арм. *ku* из этого лазо-мегрельского языкового мира, хотя другие хотят объяснить происхождение арм. *ku* на национальной почве, что не убеждает. С другой стороны, может вызвать большое недоумение это сравнительно легкое и общественно-массовое распространение лазского *ku*, если, конеч-

но, не считать мегрельского (о)ко. Наличие этого лазо-мегрельского (о)ко в армянских диалектах в форме ки исторически просматривается уже со средних веков (с XII века).

Слов, проникших в обследуемые нами языки, было конечно больше, и нам удалось многие из них выделить здесь. Часть же была указана другими учеными. Иногда же попадаются слова, историю и точное начальное значение которых мы не знаем.

В частности мне хотелось бы остановиться на двух лазо-мегрельских словах (в грузинском их нет), имеющих большое значение с этно-языковых позиций. Эти слова следующие: лазо-мегр. *ṣvīnagī* или *ṣvīnogi*, что переводят „бобр“ или „выдра“ (с которым нужно связать и мегрельское *kvinori* „соболь“) и мегрельское слово *pharhala* „обрыв, пропасть“. Насчет первого я хотел бы обратить внимание на арм. народное (в диалектах) *ṣovīnag*, что, по-моему, значит „морская нимфа“ (от *pag* „русалка, речное божество“ из аккадск. *pāg* с тем же значением), как и арм. *heṭīnag* „речная (водяная) нимфа“, *oskī pag* „золотая нимфа“, *hoj pag* „великая нимфа“ (ср. *Deriko hoj pag* „Деркетто, великая нимфа“). Мне думается, что лазо-мегрельское *ṣvīnagī* нужно поставить в генетическую связь с этим армянским *ṣovī-pag* („моря нимфа“). Трудно дать пока объяснение для мегр. *kvinog* „соболь“. Что же касается мегр. *pharhala*, то оно в своем корне *pharh-* (для суф. *-ala*, ср. *ṣkor-ala* „рабство“, *kazax-ala* „крестьянство“, *boṣ-ala* „отрочество“ и пр.) сближается с арм. *arpharha* „скалистые трудные места“, с именем горы *Phamph*, откуда ущелье *Phambakī dzor*. Есть на склоне битлисского ущелья село *Pharṣen*, арм.

нарицательное рапр из *рапр „высокое место“, баба „холм“ и пр., связанные с урарт. баба „гора“ (babani „горный“) и хуррит. рар или бар „гора“ (см. в моей работе „Хурритские слова арм. языка“, Ереван, 1951). Мегрельское слово rharhala „горный скат“ (первоначально „гора“?) могло проникнуть к жителям Лазики и Мегрелии либо через армян, либо же через некоторые племена из Урарту, через так называемых халдаев („халдян“, т. е. чтителей бога Халда), о которых говорят классические писатели. Мегрельские легенды об Арам-хуту („Арам-властелин“) и об Антари-жина („Андара-герой“?) по своим названиям также из урартско-хурритского мира (см. там же).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ

Кроме отмеченных лексических общностей между армянским и лазо-мегрельскими языками, как и некоторых общих фонетических особенностей, я могу указать и на некоторые словообразовательные связи в том или ином формальном проявлении. Вообще же в чисто грамматическом и структуральном отношениях армянский язык намного отличается от общей грузинской языковой группы, выявляющей в своей грамматике кавказский характер, как это впервые отметил акад. И. Джавахишвили. Грузинский глагол вследствие резкого отражения в сознании действительного и недействительного залогов, создал подобно кавказским и многим другим языкам так называемый эргативный строй, чего нет в армянском. В грузинском глаголе выражаются не только субъективные формативы, что есть и в других языках, но и объективные, показывающие отношение глагола к прямому и косвенному дополнению, и вдобавок эти частицы ставятся в начале

глагола (за исключением субъективных частиц третьего лица). Грузинское имя, хотя и сейчас не имеет родовых („классовых“) показателей, но, повидимому, в начальном префиксе *m-* (*m-thavari*, *m-divani* и пр.) нужно видеть остаток „мужского рода“, как предлагает А. Чикобава. Армянский язык во всех этих отношениях резко отличается и скорее приближается к азианическим и индоевропейским языкам. И хотя грамматика, как мы знаем, для скрещения между разносистемными языками почти непроницаема, однако в лексикологическом и словообразовательном (аффиксы, сложение двух слов и пр.) смысле это формальное взаимопроникновение может иметь место.

Возьмем, например, оформление повторов в лазомегрельском (resp. в грузинском) языке, как *laz. çianuri-mianuri* „давний, предавний“ или *mdžveši-mdžvuši* „древний, предревний“, *mepr. edža-mudža* (эпитет, применяемый к неясно говорящим людям), *akake-bakake*, *aça-baça* („бродящий“) и т. п., столь напоминающие армянские *phəṣrel-məṣrel*, *manr-munr*, *aṙkhov-pharṙhov* и т. п., что можно найти и в других языках. Но соседство этих двух языков может придать этому структурному явлению уже специфическое и историческое значение.

Затем мною уже было подчеркнуто заимствование армянскими диалектами лазского *ko* (мегр. *oko*) „нужно“, что, как формальное слово, становится либо формой-частицей для образования будущих времен от предположительного наклонения, либо же настоящего и прошедшего незаконченного (*imperfectum*) от изъявительного наклонения, смотря по диалектам. Тут *ku* превращается в *kə* и даже в „*k*“ перед гласными, как *k-aseṃ*, „скажу“, *k-utem* „съем“ и пр., подобно как от

армянского *piti* „должно“ имеем *ti*, а то и „*t*“ (*ti gnam* „я должен идти“, но *t-asem* „я должен сказать“ и пр.). Мне представляется арм. *ku* (>*kə*, *k*) скорее заимствованным, чем образованным на местной (армянской) языковой почве, тем более, что заимствование формальных слов не исключается в языках. В мегрельском для условного наклонения (см. у Кипшидзе, стр. 068—069, § 78) это *ko* прибавляется, подобно лазскому, с конца к основе аориста или прош. несовершенного: *b-čari-ko* „чтобы я писал“, „если бы я писал“ (2 л. *čari-ko*, 3 л. *čagu-ko*) или *b-čarundi-ko* (1 л.), *čarundi-ko* (2 л.) и т. п. Арм. диалектам также не чужда прибавка *ku* с конца глагольной формы. Интересно отметить, что употребление частицы *ko* имеется в западном лазском говоре (Атине и Вице-Архава) и в мегрельском, а у лазов Хопе, что между ними, применяется для образования будущего времени глагольная форма *tinop* „желаю“ (собств. „мне желается“), *ginop* „желаешь“ („тебе желается“), *upop* „желает“ („ему желается“) и т. п., подобно новоперсидскому способу образования буд. времени (*xvāhem raft* „хочу уйти“ и пр.).

Далее я бы хотел защитить заимствованность армянской так называемой „несовершенной“ причастной формы на *-um*, через прибавление к которой (*grum* „пишущий“, *utum* „едящий“ и пр.) вспомогательного глагола *em* „есмь“, *ēi* „я был“ в северных армянских диалектах, а отсюда и в новоармянском литературном языке образуются формы настоящего и прошедшего несовершенного изъявительного наклонения (*grum em* „пишу“, *grum ēi* „я писал“, в диалектах *grum em*, *li-pum* и т. д.). Этот генезис армянского спряжения на *-um* в связи с грузинским (западным) языком впервые предложил акад. А. Шанидзе. Все наши многообразные

спряжения в разных видовых и модальных аспектах сжижутся на этой основе. Так, напр., не только grum „пишущий, но и grelu „долженствующий писать“ (grelu em, grelu ēi, подобно древнеармянским greloc em, ēi), но и grel (древнее greal) „писавший“ (grel em, ēi), ггаԥ „написанный“ (g. em, ēi), диал. gruk „писавший, пишущий“ (gruk em, ēi, что может иметь и страд. значение), grelov „приступающий к писанию“ (grelov em, ēi), grelakan „захотевший писать“ (grelakan em, ēi) и т. д. В армянском есть подобное употребление и в отношении даже „совершенной“ формы причастия наст. вр. на -oԻ как ka goԻ em „могу“ (форма же ka gum em „могу“, ka gum ēi „я мог“ только в диалектах, как, напр., в араратском). Ср. лазское спряжение от Գагum „пишущий“ — b-Գагum „пишу“, Գагum „ты пишешь“, Գагum-s „пишет“ и т. д. Что причастные формы могут заимствоваться или быть общего происхождения, так для этого у нас имеются и другие случаи (см. следующие два примера).

В мегрельском языке имеется отглагольное имя действующего лица на морфему -и, как, например, dgum-и „ставящий“, khotam-и „пускающий стрелу, стрелок“ (см. у Кипшидзе, стр. 094). С ними непосредственно смыкаются аналогичные древнеармянские hat-и „режущий, острый“ (от hat-an-el „резать“), azd-и „действующий, внушительный“ (от azd-el „действовать, влиять“), hogabardz-и „пекущий, попечитель“, has-и „достигающий, компетентный“ (от has-an-el „достигать“) и т. п. Армянская форма такого образования и сейчас продуктивна, и вопроса о заимствованности нельзя ставить.

С точки зрения совместности причастных форм в двух языках я бы указал и на суф. -end՝ или -end в

мегрельском, как, напр., от корня *lug-* „спать“ — *lu-gendži* „спящий“, от корня *g-* „существовать“ — *m-agen-dži* „сущий, находящийся“ (Кипш., 274). Ср. хеттский аналогичный суффикс среднего или страдательного залога на *-anza* или *-anda*, вошедший и в армянский язык (ср. *hivand* „больной“, *kendani* „живой, животное“ (из *ki-and-ani*, от *ki-* „жить“), *z-ahand-im* „страшусь“ (от *ah* „страх“ и причастного **ahand* „страшущийся“). Но в мегрельском есть и суф. *-indža* или *-inda* как *škhurindža* или *škurinda* „трусливый“, *čko-rindža* „сердитый“ и др.

Но уж вне всякого сомнения мегрельская деепричастная форма на *-uṣ* вошла в армянский современный диалект Хемшина (*Hamšen*). В этом диалекте неопределенная форма глагола (*Infinitivum*) оканчивается на *-uṣ*, что в других диалектах не встречается (везде форма на *-el*, *-il*, *-al*), напр., *utuṣ* „кушать, чтобы есть“, *xtuṣ* „пить“ и пр. Мегрельский язык применяет ту же форму для супина (*supinum*), как называет И. Кипшидзе (стр. 095—096), напр., *o-thas-uṣa* „для посева, чтобы посеять“, *mi-o-zadaph-uṣa* „навстречу, чтобы встретить“ и пр., хотя эта форма может заменяться формой на *-alo*, напр., *o-čar-alo* „для писания, чтобы писать“, *mi-o-zadaph-alo* „навстречу, чтобы встретить“ и т. д. Мегрельское *-uṣa* || *-alo* для супина играет ту же роль, что и современное армянское *-elu* или *-alu*, как *grelu* „чтобы писать, для писания“, *kard-alu* „для чтения, чтобы читать“, где эти формы вышли из старых *-eloj* и *-aloj*, как род.-дат. падеж от инфинитива *grel* и *kardal*. Как известно, армяне Хемшина жили в районе Чороха и, следовательно, были разобщены от мегрелов районами Аджарии и Гурии, к северу от которых уже живут мегрелы (Самурзакано,

Зугдиди и Сенакский район). Армянское заимствование мегрельского -uša может свидетельствовать о том, что мегрелы жили близ Чорохского бассейна, непосредственно с лазами, или же о том, что когда-то и лазы применяли в своем языке этот же суффикс на -uša, -uš. Здесь мы имеем очень интересный случай заимствования отлагательного суффикса для супина или инфинитива, что так смущало правоверных армян, не могших объяснить эту „армянскую“ диалектную форму.

Наконец, я хотел бы отметить лазо-мегрельский характер и арм. суффикса -šī || -oši, что мы имеем в нескольких прилагательных, образованных от прилагательных же, как арм. lajnši „длинный“ при lajn (id.) и bolorši или bologoši „круглый“ от bolor (id.). В лазо-мегрельском этим -šī образуются прилагательные от существительных, как лазские ordoši „утренний“ (от ordo „утро“), seriši „ночной“ (от seri „ночь“), xeši „ручной“ (от xe „рука“)..., мегрельские dyaši „дневной“ (от dya „день“), xološi „близкий“ (от xolo „близ“) и т. п.

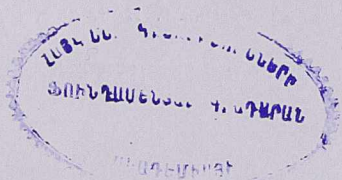
В определении генезиса того или другого аффикса, не только для словообразования, но и в роли флексии, т. е. грамматического порядка, нужен, по-моему, не только узкий охват в группе очень близких языков, но и немного в расширенном кругу, особенно если эти языки обретаются в одной большой соседствующей арене, где есть и географическая непрерывность и другие неязыковые факты общности. Так, например, форма творительного падежа в грузинской языковой группе имеет вид -ith (в груз.), -th или -thi (в мегр.), -the (в лазс.), что хотели Н. Марр, а вслед за ним и И. Кипшидзе, вывести из окончания -is (в картс.), -šī || -še родительного падежа „путем тупого

подъема ...š в th" (Кипш., 022—023) или „тупым подъемом согласного š в th родительный падеж -še дифференцирован в -the и использован в качестве творительного падежа“ (см. у Н. Марра, „Грам. чанск. яз.“, § 16, в). Но сейчас происхождение этого признака творит. падежа в грузинских языках можно понять в другой исторической постановке, как было мною сказано выше. Во-первых, в клинописном хеттском языке творит. падеж тоже оканчивается на -it, как в картском, в иероглифическом хеттском на -ta (см. I. Gelb, *Hittite hieroglyphs*, 1942, II, стр. 42), что И. Гельб называет формой Ablativus-Instrumentalis, что некоторые индоевропейцы хотят связать с „праязычным“ -od, как формой аблатива, существующего в лат. (древнем) -od, санскр. -at, что, по-моему, недостаточно и недоказательно. Более вероятно азиатическое происхождение этого грузинского -ith, мерк. -th, -thi, лазс. -the, ибо эта форма творит. падежа также служила и для аблатива (ср. в евангелии *khalakhitha khalakhad* „из города в город“). Во-вторых, имеется в народно-армянском (диалектном и литературном) морфема отложительного-исходного падежа на -с (*hoguc* „от души“, *kharic* „от камня“), что, по-моему, было когда-то -th (ср. также диалектные *horuth* „от отца“, *həputh* „издревле“, *mankuth* „с детства“ и пр.) Я уж не говорю о редком случае заимствования формы этого исходного и творительного падежа, как, напр., имеется в таджикском-иранском языке, где наряду с а(z) *šahar* „из города“ есть также и с прибавлением узбекского -dan (исход. пад.), и получаем новое а(z) *šahar-dan* с тем же значением.

* *

Как заключение из всей этой работы, могу сказать, что сравнительно-историческое изучение взаимоотношений армянской и лазо-мегрельской языковых групп, оставляя пока картский, дает много ценных результатов генетического порядка, как в области фонетики, так и в области лексики и словообразования через суффиксы, даже отчасти и грамматики, хотя качественно грамматические структуры и элементы совершенно разные. Это изучение может констатировать такую взаимопроницаемость в разные исторические эпохи, начиная с древнейших времен их этностановления, когда обнаруживается достаточное количество общих элементов в связи с ближайшим сближением разных племен хаев, аззи, пала (бала), халибов, чанов (занов) и др. Позднее мы можем проследить явные заимствования с одной и с другой стороны, что имеет и известный культурно-исторический интерес.

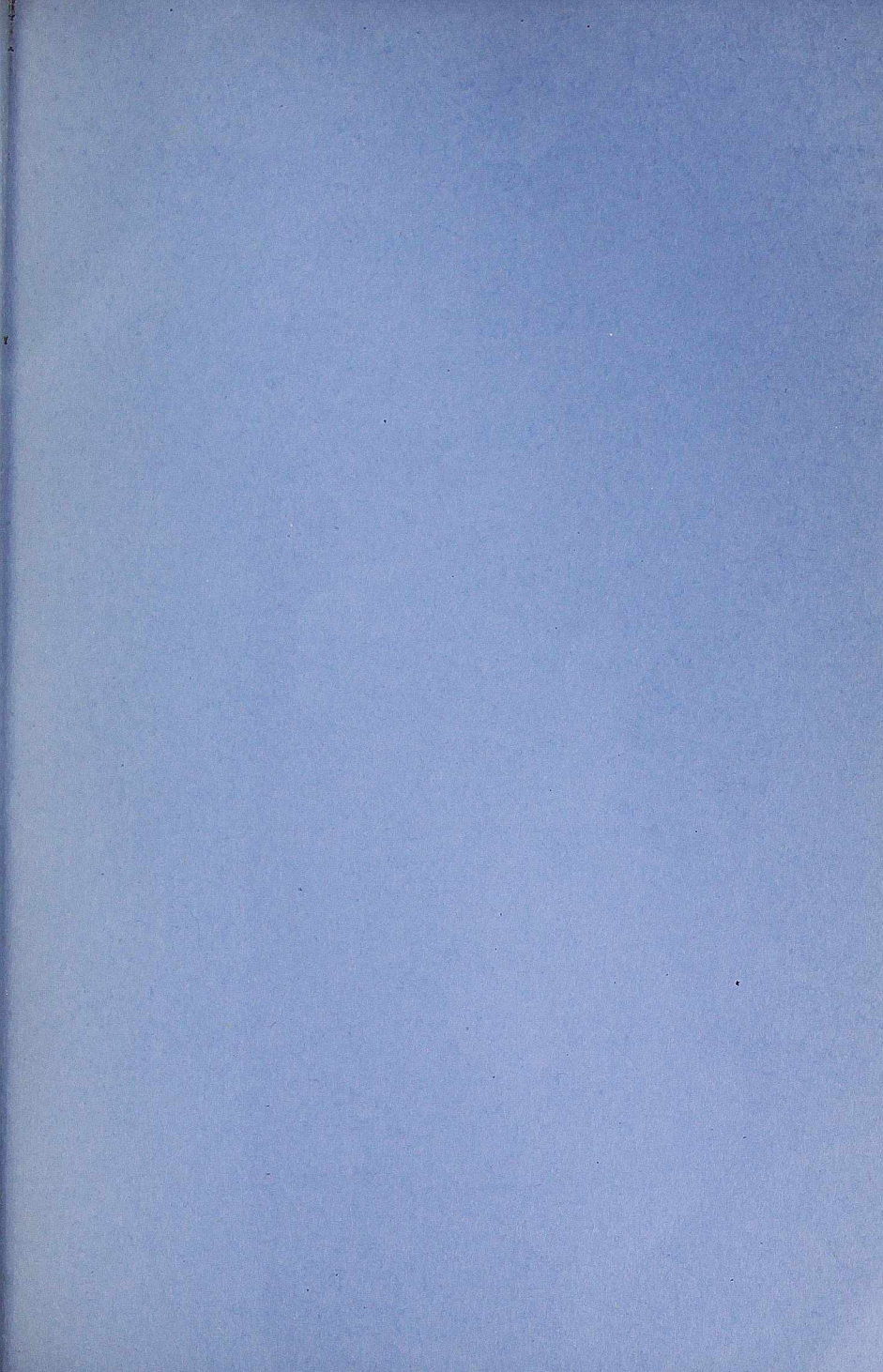
Хочется быть уверенным, что это маленькое исследование заслуживает подобающее себе место в деле выяснения поставленной выше важной проблемы истории армянского языка, методологии разрешения ее задач, касающихся разновременных периодов армянского языка, начиная с древнейших времен, еще на заре становления этого языка.

Отв. редактор Э. Агаян
Редактор издательства А. Эльчибекян
Техн. редактор М. Капелян
Корректор А. Сякуни

РИСО № 124 ВФ 08121. Заказ 378. Тираж 2000.
Сдано в производство 15/XI 1952 г. Подписано к печати 8/XII
1952 г. Печ. лист $3\frac{1}{8}$. Изд. 922. Размер бум. $60 \times 92\frac{1}{16}$.
Уч.-изд. л. 2. Цена 1 р. 20 к.

Типография Издательства АН Арм. ССР, Ереван, ул. Абовяна, 124

ЦЕНА ~~1 Р. 20 К.~~

(12к.)

4465